

ГЛАВА 1

— **З**а Лаита! — Павший поднял резной кубок из серебряной филиграни с прозрачными вставками силовых полей. — Бога молодого, но раннего!

Наша компания дружно чокнулась краями сосудов и припала к живительной амброзии. Рецептов у нее множество, у каждого мира — свой. Я лично заказал напиток из вселенной Флоуз — заметно бафаящий параметры, раскачивающий творческую креативность и не бьющий по мозгам. А вот сидящие напротив Ауле и Йавана беззаботно поглощали земную версию амброзии. Рецепт палить не буду, да и без подпитки верой он бесполезен, скажу лишь, что концентрированные маковые испарения моя невидимая маска отфильтровывала как агрессивные психотропы.

Сидели мы в уютном ресторане «Смертных нет», заточенном исключительно под серьезных богов. Фейсконтроль на входе умело отсекал всякую шелупень, вроде божков места, рода и прочих нишевых намоленных существ. Приватная ложа на крыше обдувалась теплым ласковым ветерком,

взгляд наслаждался видом ухоженного сада живых цветов.

После неожиданной встречи Павшему понадобилось меньше получаса, чтобы собрать своих соратников по пантеону. Беседа намечалась приватной, так что по просьбе Пашки я был один. Ну почти... Буквально через дорогу, в соседнем заведении классом попроще, отдыхали мои ребята, заодно подстраховывая на случай форс-мажора.

— Какую специализацию выбрал? — припечатав опустевший кубок к столу, довольно бесцеремонно поинтересовался Ауле и с хрустом оторвал ногу у запеченного в вине бройлерного сфинкса.

Дернув щекой, я покосился по сторонам и щелчком пальца прикрыл нас куполом тишины.

— Бог справедливости, — признался я неохотно.

— О-о... — с непонятной интонацией протянул Ауле и кивком поблагодарил жену, подложившую ему на тарелку императорского паштета из соловьиных язычков. Тысяча птичек на стограммовую пиалу.

— Это ведь общая специализация? — чувственно облизнув золотую ложечку, невинно поинтересовалась Йавана. — А узкая какая?

Портить долгожданную встречу решительно не хотелось, и я лишь недовольно покачал головой, давая оценку остроте вопросов.

— Воинствующий бог справедливости. — С вызовом смотрю богине прямо в глаза. Задрали допрашивать...

— О как... — красиво заломила бровь Йавана и задумчиво добавила: — Только это и обнадеживает...

— Не простой у тебя путь, — согласился Павший и вновь неторопливо наполнил бокалы. Бог заметно заматерел за эти годы. Взгляд стал более тяжелым, из движений пропала юношеская резкость. — Не простой... Подталкивающий ко злу. Счастливые люди к справедливости не взывают...

Проплывающий в небесах летающий остров на секунду закрыл от нас искусственное солнце. Я покосился на него и пожал плечами.

— Это везде так. Врачам нужны больные, но они все же нас лечат, а не калечат. Полицейским — преступники. Мастерам — поломки, а котам — мыши... На нашу вечность несправедливости хватит...

— Ха! Это уж точно, без работы не останешься! — заржал было Ауле, но мгновенно стушевался под осуждающим взглядом Йаваны. Скривившись, он незаметно прихлопнул одну из порхающих вокруг жены бабочек и, тихонько подмигнув мне, виновато развел руками. — Пардон, забыл, мы же теперь боги темного пантеона. Почти антагонисты. Му-ха-ха!

Я невольно улыбнулся. Осторожно поковырявшись в огромном блюде по центру стола, без особой уверенности переложил себе на тарелку жареной печени рыбы-попугая и розеточку с белоснежной икрой белуги-альбиноса.

Аккуратно намазав икорку на тонкий ломтик хрустящего французского багета с желтым домашним маслом, я откусил бутерброд миллионеров. Прислушался к себе и пожал плечами — икра как икра. Соленая... на жареную корюшку похоже.

Повернувшись к Ауле, покачал головой:

— Почему антагонисты? У меня — пантеон равновесия. Ни разу не светлый.

— М-да... — словно застеснявшись, отвел глаза бог всех гномов. Покосившись на жену, он взглядом попросил помощи.

Йавана чуть виновато улыбнулась и накрыла мои огрубевшие от экзерсисов с оружием пальцы своей тонкой холеной ручкой. Татуированный на ее кисти тигр хищно оскалился, изумруды в перстнях предупреждающе заискрились.

— Понимаешь, Лаит... Тут такое дело...

— Что? — Я наморщил лоб и осторожно освободил свою ладонь. Девушка друга — это святое. Тем более жена. Нечего мне зазря кровь горячить...

— Нет у тебя больше пантеона... — Йавана развела руками, а изучающий игру света в бокале амброзии Павший согласно кивнул. — Асклепий на Землю подался. Там ему молятся со всей душой. Здоровье и жажда жизни и раньше бередили умы смертных, а уж теперь, когда реально можно вымолить жизнь умирающему ребенку или богатыми пожертвованиями накинуть себе годик-другой... Сам понимаешь. Асклепий теперь весь из себя важный, в совушках купается, силы немерено. Его Чертоги настолько круты, что достойны Высшего. Отдельный мир в миниатюре. Правда, при упоминании твоего имени почему-то испуганно дергается... Не просветишь? Ну потом так потом... В общем, остальные боги без главы пантеона разбежались кто куда. Каюсь, мы тоже кое-кого пригрели... Ты ведь не в обиде?

Я? Не в обиде... но хату спалю.

Незаметно смахнув в инвентарь усевшуюся на мое плечо бабочку (всегда полезно изучить компонент чужой активной защиты), я сжал губы в суровую нитку:

— Будете должны. И немало...

Ауле облегченно откинулся на мягком облачке и громко заржал. Я и не заметил, как он был напряжен... Неужели реально опасаются? С чего вдруг? По уровням они в два-три раза выше. Даже Пашка сто седьмого. О моей экипировке и умениях представления не имеют. По божественным меркам я полный нубас, которого величественно вытащили из задницы, подкинув лям совушек на бедность. Кстати...

Отделив в инвентаре нужную сумму, я протянул Павшему сотворенный кошелек с тысячью мифриловых монет:

— Неназываемый, спасибо за помощь. Возвращаю долг. Здесь миллион...

Павший стесняться не стал. Спокойно принял кошель и уважительно кивнул.

— Именно их я тебе и отправлю...

Я непонимающе нахмурился. Это что ж получается — я сам себе передал совушки? А зачем тогда долг отдал? Бррр... Запутался...

Тем временем Павший продолжил внимательно меня рассматривать.

— Ты сильно изменился, Лаит. Я ведь помню тебя еще первоуровневым эльфом, на шею которому посадил комара у пещеры отшельника Грыма...

— Зачем? — опешил я.

— Ситуативная развилка. Если бы ты не прихлопнул комара, то непременно заметил бы в кустах зай-

ца. Погнался бы за ним, не встретил Крила, и вся история пошла бы совсем по другому сценарию...

— То есть все мои приключения на твоей со-
вести?

Павший скромно улыбнулся и развел руками:

— И достижения...

Я нехорошо сощурился:

— И смерти Тани, Оли и миллионов других
землян?

Павший выставил перед собой ладони и качнул
головой.

— Нет, конечно. Если быть совсем точным, то я
вмешивался лишь несколько раз, подталкивая тебя
на развилках в нужном направлении. Ты не был
игрушкой в моих руках, если ты об этом...

Я недоверчиво скрипнул зубами. Уверен — мной
играют прямо сейчас. Уровень доверия к Павше-
му снизился на пару градусов. Как же все это до-
стало! Почему нельзя просто обняться и радостно
забухать, отмечая встречу? А потом вместе пом-
чаться спасти мир! Зачем эти интриги и манипу-
ляции?!

— Кстати, Ольга жива... — ошаршил меня вто-
рично Неназываемый. — В заморозке, но жива.
И если сильно постараться, то...

Бог замолчал, а спешно собирал в кучу разбега-
ющиеся мысли. Оля жива? Погибшая из-за меня,
мягкая, сопереживающая, красивая, женственная
и такая по-домашнему милая Ольга? Вот и еще
один повод жить и качаться. Я ведь ей крепко за-
должал. Целую жизнь, если уж совсем откровенно.
А долги надо отдавать...

— Ты сильно изменился... — повторил Павший. — Нелегко тебе пришлось на минусах? Расскажешь?

Йавана жадно подалась вперед:

— Да, расскажи! Жуть как интересно!

Качаю головой. Вигвам вам индейский, а не конспект моего развития.

— В другой раз, — проговорил я, наконец взяв себя в руки. — Скажите лучше, как там Земля и Друмир? Неназываемый, что за маскарад был у ворот? Ты собираешь донаты на новый мир?

Павший нервно улыбнулся одним уголком рта:

— Это допели. Нематериальные иллюзии с простейшим поведенческим императивом. Я рассадил их у каждого городских ворот. И, между прочим, их двенадцать...

Ауле цокнул языком:

— Лихо потратился. И как, окупилось божественное нищенство?

Павший скривился:

— А то ты не знаешь? Среди богов не принята безвозмездная помощь. Закон эволюции Творца. Не способен к жизни и развитию? Уступи место ЕГО более удачным творениям.

Я мысленно добавил штрих к божественным портретам и попытался вернуть разговор к интересующей меня теме:

— Земля? Друмир?

Павший вздохнул и расстроено махнул рукой:

— Так себе все... — увидев, как я напрягся, поспешил успокоить: — Но не беспокойся, с твоими все в порядке. Клан крепнет, друзья качаются и все такое. Тыл надежен, проблема в другом...

Он замолчал, ожидая моего вопроса, а я задумчиво почесал бровь. Неназываемый не в курсе, что я могу наблюдать за Друмиром? Где там «мои качаются»? Я вообще никого не нашел! Или он прибыл из более раннего времени? Так вроде невозможно это...

Я ведь телепортнулся с самых минусов. Ниже — только первозданный Хаос. А вот вселенная Земли с ее виртуальными спутниками — на пятьдесят шестом ярусе. Место довольно престижное — из-за удаленности от разрушительного Ничто и высокой скорости временного потока. Пока конкурент делает один уровень, ты прокачиваешься на пять.

Не дождавшись моего вопроса, Павший пожал плечами и, чуть понизив голос, проникновенно заговорил:

— Собственно говоря, именно поэтому я тебя и искал... Скажи, как ты себе представляешь структуру Древа?

Я неопределенно покрутил растопыренной пятерней в воздухе:

— Ствол как основа и пространство для жизни богов. На нем ветви — главные и вторичные, группирующие миры по каким-то признакам. Технологические, духовные, магические и прочие. Листья — миры как таковые...

Павший кивнул:

— Более или менее верно. И где же в этой картине находятся виртмиры?

Я пожал плечами и брякнул наугад:

— Почки? Которые скоро распустятся в полноценные листья? А может, и вовсе бутоны цветов?

Павший криво усмехнулся:

— Тебя ждут большие разочарования... Нас не все любят на Древе. Те, кто хоть раз создавал свой мир, считают нас паразитами. И в чем-то они правы, хотя на самом деле мы практически неизбежный этап развития каждого мира. Представь, ты вкалываешь миллионы лет, собирая веру. Затем создаешь свою вселенную, подселяешь туда искру разума. Растишь ее и лелеешь, защищая от внешних и внутренних угроз. А затем твои разумные оживляют свои сказки и легенды, придумывая себе новых идолов. Иногда десятки, сотни, а то и тысячи богов! И вскоре они выметают тебя из твоего мира, подвергая забвению и свергая на мина...

— Печалька... — сдержанно соглашаюсь. Если честно, так себе страшилка. Не очень я в нее верю. — Насколько я понимаю, неизвестный Бог-создатель нашей Вселенной давно сгинул в бесконечности миров. Так что мы не захватчики, а наследники. И как это все к Друмиру относится?

Павший качает головой:

— М-да, юношеский задор и абсолютная вера в собственную исключительность. Ладно, лучше один раз увидеть...

Пашка щелкнул пальцами, разворачивая трехмерную голограмму. «Божественный взгляд». На самом деле это не совсем голограмма. Тыкать по ней пальцем не рекомендуется. Можно вызвать неслабый такой катаклизм.

Взгляд Неназываемого застыл, повинуюсь его воле, стремительно замелькали звездные карты.

Комплекс сверхскоплений Рыб-Кита. Зум...

Местное скопление галактик Девы. Зум...

Местная группа галактик. Зум...

Галактика Млечный Путь. Зум...

Галактический рукав Ориона...

Павший задержал на секунду звездный калейдоскоп:

— Все, что было до этого момента, намечено Создателем нашей Вселенной лишь схематически. Скорее на уровне физических и космических законов. Древние люди обрадовались бы, узнав, насколько они правы, утверждая, что звезды — это серебряные гвоздики на небесной сфере. А вот ближний космос сотворен полностью и основательно. Солнце перегоняет водород в гелий, планеты исправно шныряют по орбитам, кометы кокетливо распускают хвосты, разум эволюционирует по заложенным в него свыше принципам.

Зум... Солнечная Система.

Зум... Планета Земля...

Голубой шарик в бесконечной черноте космоса.

— Включаю слои параллельных, виртуальных и сотворенных миров.

Планета зарябила, стремительно размножаясь и разворачиваясь широким веером, словно карточная колода в руках умелого шулера. Спутниками закрутились вокруг мириады крохотных пространств — от разномастных божественных чертогов и виртмиров-миллионников до крохотных пу-

зырьков с единственным сорвавшимся. Так вот вы где, несчастные узники частных пыточных, гаремников и кривых индивидуальных разработок..

— А теперь посмотри, как это выглядит на Древе...

Картинка в очередной раз дернулась, схематично отобразив Древо Миров. Пробежалась вверх по стволу, отсчитав пятьдесят шесть ярусов, затем юркнула на главную ветвь, свернула на вторичную и подсветила лист вселенной Земли. Слово пораженный неведомой заразой, он был весь утыкан струпами локальных миров. Большими и маленькими, свежими и подсыхающими, только зарождающимися и окончательно отмершими.

— Земля борется. И борется успешно. Слишком успешно...

Зум...

Одна из нашлепок на теле листа приблизилась, и, словно в мутном стекле, я увидел знакомую карту континентов Друмира. Совсем крохотный по сравнению с материнской планетой, он стремительно терял яркие краски магических потоков. Вселенная Земли жадно тянула ману. И насытить голодную Родину не хватит и миллиона виртуальных миров. Друмир был обречен...

Голос Пашки был сух и безжалостен:

— Наш мир уверенно превращается в обычную техногенную помойку. Вместе с магией и чудесами уходит вера. А без подпитки верой исчезнем и мы.

— Мы... — Голос на секунду перехватило, и я закашлялся. — Мы — это не страшно. Хуже, что ух-